

Проект

Город, который я люблю

«ММ» приглашает горожан рассказать о том, чем им дорога малая родина

Уважаемые читатели, стартовал проект «Магнитогорского металла» «Город, который я люблю». Первой ласточкой стало признание в любви к родному городу Марины Даниловой, инженера ООО «Автотранспортное управление» Группы ПАО «ММК».

Увидеть Магнитогорск настоящим

А могла бы сложиться у меня другая жизнь. Была бы москвичкой и, как мечтала моя столичная тётя, носила бы прекрасное имя Бэлла... Белка. Крутилась бы, как та самая белка в колесе, и знать бы не знала,

что за город такой – Магнитогорск. Кроме как «каждый второй танк и каждый третий снаряд в Великую Отечественную войну были сделаны из магнитогорской стали».

Но папа мой, коренной магнитогорец, настолько любил малую родину, что никакие увещевания сестры-москвички не подвигли его на переезд. Амне достались моё простое имя, мой город и возможность рассказывать о нём племянникам-москвичам и племянницам-костариканкам.

Коста-Рика... В конце 80-х отец коста-риканского семейства Орlando Арайя и сам посетил наш город. В белой рубашке, белых брюках, как с экрана сошёл. Таким его мой папа, Анатолий Сергеевич Фисенко, и потащил на комбинат, благо попасть туда прежде было намного проще. Отец работал в листопрокатном цехе

№ 5 с самого его пуска. Туда и повёл ошарашенного гостя. Заворожёнno Орlando смотрел на краны: «А этим у вас управляют роботы, да? При такой температуре только робот работать может». И тогда папа представил ему «робота» – крановщика дядю Ваню. Уезжал Орlando, приговаривая: «Теперь я видел всё!»

Выбирая место учебы и профессию, я по-настоящему смогла понять папу. Стоя в пустой квартире ночью у открытого окна в Москве, видела не столицу. Вспоминала Магнитогорск, родной двор на Корсикова, 3, где бегала босиком по лужам под дождём, где так же потом бегала моя племянница, где вешали на улице бельё и забывали его снять на ночь. И скучала. Прости, Москва, нам не по пути. А в нашем дворе и сейчас сушат бельё на улице. И забывают снять.

Мы привыкли к своему городу. Все его особенности, достопримечательности для нас обыденность и ежедневность. Но всё меняется, когда приезжают друзья и родственники издалека. Недавно посчастливилось принимать у себя гостей из Кемерово, впервые посетивших наш город. Смотрела их глазами, жила их эмоциями. Рассказывая о монументе «Тыл–Фронту» и видя их горящие глаза, чувствовала необычайный душевный подъём и гордость за свою Магнитку. А путешествие из Европы в Азию и обратно привело кемеровчан в неописуемый восторг. Для них это событие, что-то сказочное и невероятное. Мы же ежедневно пересекаем границу между частями света, не замечая.

Видеть необычное в обыденном меня научил и сын. Дети всё воспринимают иначе. Я вслед за ним разглядываю крыши домов, эркеры, любуюсь солнечными зайчиками на окнах трамваев, замечая красоту, которой раньше не видела. Так смотрят на тех, кого любят. В любимых прекрасно всё. Мой город прекрасен.

Магнитогорск способен удивлять и поражать. Главное – увидеть его настоящим. Дайте ему шанс.

✍ Марина Данилова

От редакции

Напоминаем: проект «Город, который я люблю» предполагает размещение на страницах газеты эссе объёмом до трёх тысяч знаков (с пробелами) или в пределах двух страниц, желательно с эксклюзивными фотографиями – своими фото на фоне городских домов, улиц, площадей и скверов или же просто городскими пейзажами. Эссе должны быть написаны в прозе.

Тексты и фото в электронном виде можно отправить по адресу: inbox@magmetall.ru, в теме письма указать: «Город, который я люблю». Рукописные материалы присылайте по почте: 455038, Магнитогорск, проспект Ленина, 124/1 либо приносите в приёмную «ММ» по тому же адресу. Ваши фотокарточки в редакции отсканируют и сразу же вернут.

Обязательно укажите свои фамилию, имя, отчество и контактный телефон.

Левобережная смотровая площадка, конец 1980-х гг. Сергей Фисенко (Магнитогорск) и Орlando Арайя (Коста-Рика)

Двор на улице Корсикова, 2019 г.

Былое

Так начиналась Магнитка

Строительство Магнитогорска, которое в первую очередь было связано со строительством металлургического комбината, начиналось трудно, несмотря на пристальное внимание руководства Страны Советов к «стержневому пункту решения Урало-Кузнецкой проблемы» по созданию на востоке второй угольно-металлургической базы.

По всей вероятности, опыта строительства гигантского завода, что называется, с нуля, в голой степи, у руководства страны не было. Масштаб строительства требовал рабочей силы, а людей нужно было обеспечивать жильём. Но, несомненно, первоочередной задачей на Магнитострое был пуск домен и других промышленных объектов комбината.

Разными путями прибывали первостроители металлургического гиганта. Одни – по вербовке, другие – по зову партии и комсомола, третьи – на спецпоселение. Немало крестьян района также стекались на Магнитострой. И всех нужно было где-то размещать. Фактически капитальное строительство города и его инфраструктура сильно отставали от строительства промышленных предприятий. И это естественно, ведь одновременно возводились домны, электростанция, плотина, коксохимкомбинат.

Начало капитального жилищного строительства в Магнитогорске было озаглавлено строительством дома в первом квартале Соцгорода в левобережной части Магнитогорска. Под фундаментом дома, расположенного на улице Пионерской, был заложен акт от 5 июля 1930 года следующего содержания: «В дни XVI съезда ВКП(б) на северном склоне горы Кара-Дыр в присутствии 14 тысяч рабочих произведена закладка и приступлено к работам первой части города Магнитогорска».

В декабре 1930 года в документах горсовета так характеризуется строительство будущего города: «Для обеспечения рабочих жилищными условиями и всеми потребностями социалистического быта при заводе строится культурный город, рассчитанный на размещение 150 тысяч населения с расширением в дальнейшем до 200 тысяч и больше. К моменту пуска первой очереди завода готовится жильё на 10 тысяч человек населения».

А пока основная часть вновь прибывших на строительную площадку располагалась в палатках и бараках. Да и этой жилплощади катастрофически не хватало, потому что строительство жилья не успевало за потоком прибывающих. По данным Магнитогорского отдела здравоохранения, норма на одного живущего в бараке в 1931 году «не превышала 1,3–1,4 кв. м против установленной Магнитостроем нормы 3,5 кв. м».

К примеру, на начало августа 1931 года построечное управление «Союзкокс» располагало 52 общими бараками, пятнадцатью «комнатными» бараками и девятью двухэтажными домами для служащих. Общий барак был рассчитан на 120 человек. Бараки с отдельными комнатами и дома для служащих должны были вместить по 50 человек каждый. Всё это было рассчитано примерно на 7,5 тысячи человек. В действительности же в них проживало свыше 10,5 тысячи человек. Кроме того, 1378 человек были поселены в 70 палатках.

С наступлением холодов необходимо было не только утеплять существующие бараки, но и переселять людей из палаток. Недостаточное снабжение тёплой спецодеждой, отсутствие постельных принадлежностей – всё это крайне ухудшало жилищные условия.

Отстающее от потребности строительство жилых помещений объяснялось недостатком лесоматериалов и отсутствием рабочей силы, которая была занята на строительстве промышленных объектов.

Летом 1931 года на стройплощадке будущего коксохимкомбината резко возросла текучесть кадров. Если в мае она составляла 14 процентов, то в июле достигла 26,5 процента. Главными причинами стали ухудшение снабжения, плохие жилищные условия и задержка заработной платы. Это вызывало возмущение среди рабочих и, соответственно, уход со строительства

или даже побег. Среди них были и те, кто приезжали на строительство на два-три дня, знакомились с обстановкой, получали спецодежду и благополучно убывали восвояси. Таким образом, несмотря на то, что около 60 процентов рабочих приезжали на Магнитку по вербовке и самотёком, в начале строительства комбината текучесть кадров сложно было остановить.

Но был и «запасной вариант» пополнения рабочей силы. Согласно конъюнктурному отчёту Магнитогорского построечного управления «Союзкокс», с прибытием спецкадров на строительство вопрос о нехватке рабочей силы значительно смягчился. «В конце июля на Магнитострой прибыло 3657 человек спецкадров», кроме того, «в первых числах августа прибыло ещё 1358 человек». Правда, как следует из отчёта, спецкадры приезжали семьями, и трудоспособная часть прибывших составила 1492 человека, остальные были отнесены к малолетним, старикам и слабосильным.

Спецкадры разместились в двенадцати, наспех построенных бараках без кровли. Предполагалось, что завершать строительство будут сами жильцы. А в ближайшем будущем ждали прибытия на площадку ещё 10 тысяч спецкадров.

В 1931 году в канун 14-й годовщины Октября руководством строительства во главе с его начальником Яковом Угелем был послан рапорт в ЦК партии и правительства. Наряду успехами окончания строительства первой очереди промышленных объектов Магнитогорского комбината «в составе двух домен, воздушной станции, первой очереди

центральной электростанции, двух коксовых батарей, рудника им. т. Кабакова», совершенно чётко было сказано, что «жилищно-бытовой участок до сих пор остаётся самым отсталым».

Тем удивительней, что в этих нечеловеческих условиях многие первостроители проявляли невероятный трудовой героизм, который позволил к началу 1932 года запустить первую домну. А Магнитогорск, получивший статус города на основании постановления ВЦИК 10 июня 1931 года, пока продолжал жить во временном жильё.

✍ Галина Мироненко, ведущий архивист городского архива Магнитогорска

Сборка щитовых бараков. 30-е годы